

Пирог со вкусом Сатаны

Независимая — 2005 — 16 февр. — с. 6

Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» можно смело вкушать, не боясь отравиться

Надежда Муравьева

Боги, боги мои, чего только не пишут о романе Булгакова «Мастер и Маргарита» с того самого времени, как он стал доступен так называемому широкому читателю! С подлинной широтой и размахом пишут русской люди (да и не только) об этом «Евангелии советской интеллигенции», «Евангелии от Булгакова», «Евангелии от Сатаны» и пр., и пр.

Сам роман, как порождение душевных, творческих усилий одного человека, стремящегося в аллегорической подчас форме сказать правду о своей жизни, как-то по ходу дела превращается во что-то совсем другое. Скажем так — превращается во что угодно, только не в роман. В мистирию, в вышеозначенное Евангелие от Фомы и от Еремы, в сатирическое продергивание кого бы вы думали — нет, не Сатаны, а Максима Горького и его жены актрисы Андреевой...

Изумительное дело: почему нам так трудно увидеть в романе — роман? Это загадочное обстоятельство вылезает практически всюду, где пишется талантливая, многослойная, а следовательно, и исполненная тайны вещь. Стоит только вспомнить, что «Алиса в Стране чудес», а также «Алиса в Зазеркалье» просто истомили критиков и читателей своим непристойно-чудесным существованием. В «Алисе» видели скрытую (видимо, очень тщательно) сатиру на королевский двор, на саму королеву Викторию, на Англию, на все мироздание целиком... Как привлекательны скрытые смыслы, которые нужно дешифровать! Без них совершенно неинтересно жить.

«Мастер и Маргарита» — особый случай. Тут же главный герой не кто-нибудь, а Сатана! Мало нам «Фауста» (ну, там вроде бы все понятно, и даже есть мораль в конце), мало нам «Бесов» Достоевского (там тоже вроде бы все ясно: острая сатира на скользких и диких создателей «новой России»)... Но все же роман Булгакова — дело, повторяю, особое: влечет к себе читателя образ Сатаны и все тут! И ведь какой повод для мордобоя, криков и стонов, какая палитра: от «помилюй нас, Господи, от кощунников-писак с песьими головами» до «Булгаков Миша — наш, православный, надобно его в срочном порядке елеем облить!»

Да, нечего сказать, соблазнительный, по-дьявольски соблазнительный романчик! В нем Сатана — прямо душечка какая-то, а не Сатана! Остроумный, вальяжный, с живым умом, да и называет кого следует: как раз разного рода мелких и крупных бесов: Алоизиев Могарычей, Поплавских из Киева и председателей МАССОЛИТа. Странно, конечно, что карает он всякого рода советскую шуштуру: стукачей, подонков, чиновников, вралей и корыстолюбцев... Но это он — для отвода глаз. На самом деле он плохой. Очень плохой, и свита его богомерзкая — как же еще, они же приспешники Тьмы!

А тут еще и самое главное блюдо: Евангелие черт знает от кого. То ли от автора, то ли от главного героя, то ли от опять же, извините, Сатаны, то ли от Горького Максима или Ленина Владимира... Дьякон Андрей Кураев в своей недавно выпущенной книжке «Мастер и Маргарита»: за Христа или про-

тив» пишет, что к «пилатовым главам» и подступаться-то неприятно, настолько они кощунственны. «В этом романе оправдан Пилат. Оправдан Левий, срывающийся в бунт против Бога... Оправдан даже Иуда, кровью своей искупивший свое предательство... Следующим амнистированным распинателем становится сатана».

В общем, все отщепенцы и злодеи оправданы, а ведь должны гореть в геенне огненной. И Сатана будет «распинателем»! Как говорили персонажи из той же «Алисы» (помните, была такая пластинка с песнями и текстами Высоцкого?): «Куда смотрит правительство?! Эй, правительство!» Но советское правительство до романа не добралось, потому что автор подкузьмил: умер раньше срока. Еще по поводу не слишком-то выразительной повести «Роковые яйца» в 1924 г. Булгаков записывает в дневнике: «Боюсь, как бы не саданули меня за все эти подвиги «в места не столь отдаленные». А уж когда пришла пора дописывать и редактировать «роман о дьяволе», стало понятно, что эту вещь, по авторскому же выражению, «цензура не пропустит».

И не только что «не пропустит», но еще и загонит писателя, как философа Канта, «на три года в Соловки»... Булгакову повезло. Истинные представители Сатаны — Могарычи, Сталины, Ежовы и т.п. до него не добрались. Он ушел. Перед смертью, как вспоминает жена, терял слова, задыхался, но сумел как-то показать, что чем-то озабочен, чем-то страшно важным. Лекарством? Питьем? Нет, неотредактированным романом, судьба которого, как он

подозревал, была — оказаться в темном ящике с «убитыми» рукописями. Писатель смог еще кивнуть головой и с трудом произнести: «Чтобы знали... Чтобы знали...»

О чем же должны были знать будущие читатели романа, похожего на многослойный пирог? О чем, столь неопровержимо важным, столь трепетно живом поведал нам Булгаков?

Булгаков, которого всю жизнь неперестанно травили, нашел в себе истинное мужество говорить о своей душе и своем времени

Дьякон Андрей Кураев, например, в ответе не затрудняется: «О чем же этот московский роман?» — вопрошает он. И сам себе отвечает: он о мощи «черного властелина, о человеческом бессилии перед ним, а также о пошлости атеизма». Оказывается, в кощунственных «пилатовых главах» не слишком остроумный писатель просто высмеивал журнал «Безбожник» и атеистическую советскую пропаганду. Как же это он так умудрился? Что за прием использовал? А вот как: Евангелие Мастера написано все-таки Воляндом: нет, не Воляндом-Сатаной! Так и объясняет дьякон, что Булгаков не имел возможности напрямик вести спор с проповедниками атеизма «по цензурным соображениям» и поэтому «написал «Мастера и Маргариту», где глаза научного атеизма были вставлены в глаз-

ные впадины Волянда, и оказалось, что атеизм — это как раз взгляд на Христа сатаны, а отнюдь не просто науки».

Еще Александр Мень на опасливый вопрос, может ли «Мастер и Маргарита» обогатить духовный мир христианина и почему все-таки выбрана такая необычная форма «Евангелие от Волянда» (ведь христианин обо всем должен заранее

мальный. Это только маски. У романа необычная форма, но она не является чем-то исключительным в литературе. Соприкосновение с тайной было у многих русских писателей: Гоголь, Лермонтов, Помяловский...»

Не могу удержаться, чтобы не привести почти всю цитату целиком. Как писал Николай Гумилев, «все чисто для чистого

спрашивать у батюшки, а то проглотит по неведению «бьяку» и — откачивай его потом), ответил так: «Никакое это не Евангелие! Это роман, в котором есть лишь намеки на евангельскую историю, там нет Христа, и Пилат там не Пилат, просто взяты некоторые черты. Книга может обогатить любого нормального человека... Она полна остроумия и блеска, построена на контрастах.

Вот пришли некие гости из космоса, из духовного мира (какая разница?). Они в маскарадных костюмах, один — под Мефистофеля, другой — под кота, и они провоцируют нас, москвичей, и выявляют нашу пошлость. И даже Волянд, который выступает в маске дьявола, — какой он дьявол? У него нравственные понятия нормальные, он же не Варенуха, не Лиходеев — вот кто дьяволы-то, а он нор-

взора», и именно так можно охарактеризовать это мнение о. Александра. Он смог увидеть, потому что он — смотрел не на то, что «автор хотел сказать, пытался сказать, боялся сказать», а на реальность романа. На то, что это жанр такой — роман, известный, в общем-то, у нас в России, и пишут такие романы люди, а не эманации божества и не черные «голодные» духи. Не надо выдумывать за писателя его жизнь, его самого и его смерть, то есть его книги и мифы.

Если и применять термин «богодуховенный» к творчеству человека, то вовсе не в том смысле, что «вот сел он, братишки, и нашло на него, значит, и весь он так и пошел синим пламенем. Не иначе, как дело было в пятницу...». Писатель вступает в диалог с собственной личностью, с той сердцевинной,

которая живет и дышит у него внутри, со скорбным и радостным опытом прошлого, с чувством юмора, наконец. В этом смысле каждая искренняя и смелая работа с душой — богодуховенный подвиг. Просто потому что он — честное и талантливое свидетельство о круговороте жизни и смерти, о том, о чем запрещено (как то было в Советском Союзе) говорить.

Чтобы успокоить нервы читателей «Мастера и Маргариты», скажем снова: страшный Сатана-Волянд пришел к Булгакову из его любимой оперы «Фауст». Он — маска, лицедей, примеряющий на себя сотни обликов. Он, в сущности, бог перемен, всяческих изменений, перевертышей, устроитель ловушек и каверз, ведущих к Новому. Он — трикстер, разноликий, тот, кто провоцирует, мешает и спасает. Психологи говорят, что фигура трикстера — это сочетание противоположностей, «доброе» и «злое» начал. И он идеально подходит для роли носителя трансформации мира и души человека, потому что в конечном счете сводит вместе все противоположности и в то же время признает за ними их отдельность. Так начинаются изменения в личности человека, в сердце Маргариты, в истерзанной душе Мастера, в булгаковской Москве.

И давайте не будем пугаться. Истинный писатель всегда далек от любого рода пропаганды, будь то православие-самодержавие-народность или декларация прав сатаны. Любая идеология так же разрушает произведение искусства, как тоталитарная система — достоинство человека, а значит, и его

личность. Этим, кстати, упорно занималась советская власть, и об этом свидетельствует Булгаков. Он, которого всю жизнь неперестанно травили, чьи пьесы запрещали, чья жизнь висела на волоске, нашел в себе истинное мужество говорить о своей душе и своем времени. Это и есть то, о чем должны «знать» читатели романа.

Жизнь человеческая и человеческое творчество — это не апология христианства или дьявола, не хитроумная попытка закамуфлировать Горького в одежды Волянда или Мастера. Это очень сложный и бурлящий беспрестанно процесс, в котором могут вариться и Горький, и христианство, и желание поиграть с Фаустом, и еще миллион всяческих штук. Но они — лишь ингредиенты кушанья, а не само кушанье. Это, так сказать, составные элементы Сливового Пудинга, поданного Алисе, а Пудинг, кстати, ужасно не любит, когда его кромсают и делят на корявые куски.

«...И тут же, словно по мановению волшебной палочки фокусника, Пудинг снова оказался перед ней. Он был такой огромный, что Алиса опять немножко оробела. Но она взяла себя в руки, отрезала кусок и подала его Черной Королеве.

— Какая наглость! — сказал Пудинг. — Интересно, что бы ты сказала, если бы я отрезал от тебя кусок? Мерзкое ты создание!»

Так все-таки, может быть, следует уважить огромный пудинг романа и не ковырять его вилок и ножом? И еще одно: он точно без яда, уверяю вас. Горького вкуса Сатаны там нет. Зато масса других оттенков для души всегда найдется. ■